

An illustration of a young woman with long, flowing orange hair and large, upright fox ears. She has green eyes and rosy cheeks, looking over her shoulder with a slight smile. She is wearing a red, backless dress with lace-up details. Her long, bushy orange tail is visible at the bottom left. She is standing next to a large, muscular green-skinned man with a beard and pointed ears, resembling an orc. He has a serious expression and is looking towards the viewer. He is wearing a dark brown leather strap over his shoulder. They are in a rustic room with wooden walls and a window in the background showing greenery. The title text is overlaid on the center of the image.

Вождь
орочьего племени

18+

Анжелика Меркулова

Анжелика Меркулова

Вождь орочьего племени

Серия «Ёкаи. Начало.», книга 2

<https://litres.ru/74073018>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она никогда не была его. И он это знал.

Брогк очнулся без памяти в чужой постели. Рядом — та, кто назвала его «любимый».

Уверяла, что он — вождь, а она — его невеста. И он должен забыть свои несбыточные сны. Она ткала для него новую реальность. Ложь за нежностью. Ласку за обманом. И он почти поверил, что сможет жить правильно и спокойно.

Пока на праздничной улице не увидел свой оживший сон — в розовых шелках и чужих объятиях.

Ради демона он сжёг свою жизнь дотла. А она — даже не посмотрела в его сторону.

Память вернулась лавиной. Каждое воспоминание — нож под рёбра и ожог на сердце. Год в пещере. Он был ей щитом, рабом, обузой. И любил её больше собственной жизни.

Теперь у него снова есть имя. Его отряд. И дочь от той, которую он не любит.

Но он всё равно пойдёт за ней. Против Безупречного. Против собственного племени. Против правды, которую он наконец признал.

Чтобы вернуть ту, кто давно забыла его имя. Пусть это невозможно — он всё равно не остановится.

Содержание

Глава 1. Разбитое эхо.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Анжелика Меркулова

Вождь орочьего племени

Глава 1. Разбитое эхо.

Брогк очнулся резко — как будто его вырвали из сна, полного криков и огня. Голова раскалывалась, тело ныло, словно каждая кость была раздроблена и заново склеена без особой заботы. Сознание возвращалось мучительно медленно, сквозь густой туман боли и забытья. Сначала он почувствовал тепло — растопленный очаг потрескивал где-то рядом, меховые шкуры грели спину, и странное, незнакомое прикосновение на своем запястье.

Он заставил себя открыть глаза.

Деревянный потолок, почерневший от дыма, стены из необтёсанных брёвен, пол усыпан сухой соломой. Типичная изба орочьего поселка. Просто. Сурово. Знакомо но не совсем. Воздух наполнял запах сосновой смолы, травяных настоев и жареного мяса. Он лежал на широкой, деревянной кровати в просторной избе, явно доме вождя или старейшины, укрытый шерстяным одеялом с запахом дыма и трав.

У изголовья, на табурете, сидела орчиха. Рыжеволосая, с тёплыми янтарными глазами и мягкими чертами лица, необычными для их племени, почти человеческими, если не

считать выступающих клыков и зеленоватого оттенка кожи. Она смотрела на него с такой обожающей нежностью, что ему стало неловко. Её пальцы осторожно гладили его руку, губы едва касались его запястья в каком-то интимном, влажном жесте — так ласково, что у Брогга по спине пробежал холодок.

Инстинктивно, ещё не осознавая почему, он одёрнул руку. Голова закружилась от резкого движения, в виске застучала тупая, знакомая боль от старой травмы, но сейчас к ней добавилась новая, огненная агония на затылке.

— Ты дома, любимый, — прошептала орчиха тихим, воркующим голосом, полным заботы и участия, не обижаясь, лишь улыбнулась — чуть грустно, но с надеждой.

“Дома? Любимый?!”

Его память представляла собой разбитое зеркало. Он видел осколки: блеск клинков в темноте, звуки битвы, лес, запах пороха и крови. Чей-то пронзительный крик — женский, звонкий, как серебро и запах жасмина. Яркий всполох лисьего хвоста, мелькающего между деревьями. Чьё-то имя на кончике языка чьи-то огромные, полные страха, бездонно изумрудные глаза Чувство невероятной, всепоглощающей необходимости быть где-то, защитить кого-то. И затем — удар со спины, предательский, подлый. Падение. Холод земли.

— Где я? — хрипло выдавил он. Голос звучал чужим, разбитым.

— Я же сказала, дома. В нашем посёлке, Коготь Ветра. В Чернолесье, — её улыбка была красивой, но почему-то не вызывала в нём ничего, кроме растерянности. — Тебя принесли почти мёртвым. Но я не отпустила твою душу к предкам. Целых три недели за тебя боролась.

Три недели. Цифра повисла в воздухе. Три недели провала, пустоты. Он заставил свой мозг работать.

Имя её не всплывало в памяти. Ничего не всплывало. Только обрывки: Брогк. Он — Брогк. Вождь, предводитель отряда. Наёмник, контрабандист, охотник за головами. Но это было раньше. Потом что-то изменилось. Потому что он отошёл от дел. Жил в уединении. Не один. Он жил не один!

Сердце заколотилось, посылая новые волны боли в рану. Он резко, преодолевая слабость, попытался сесть. Мир поплыл перед глазами.

— Где Броган? — выпалил он первое, что пришло в голову. Имя первого помощника, верного товарища, всплыло из тумана ясно и чётко.

— Милый, ты серьёзно ранен. Потерял много крови, у тебя была лихорадка, ты бредил. Тебе нужен покой. Пожалуйста, побереги себя ради меня. Ради нашего будущего.

«Нашего будущего». Слова прозвучали так естественно, но в его душе они отозвались фальшивой, тревожной нотой.

— Прости, — сказал он, сжимая виски пальцами. Голова раскалывалась. — Кажется, из-за ранения я многое не помню

Мысли путались, вопросы требовали ответов.

“Кто ты? Как тебя зовут? Где мой отряд? Кьяра!” — он вдруг вспомнил, её имя, будто это знание всегда было где-то на периферии, как абсолютно неважное.

Она нахмурила свои красивые брови. На миг — всего на миг — в её глазах мелькнуло что-то хищное. Но тут же лицо её снова стало мягким, покорным, полным заботы.

— Я Кьяра, — сказала она. — Твоя невеста. Ты сделал мне предложение за неделю до ранения. Помнишь? Мы собирались обвенчаться после того, как ты вернёшься из того злополучного рейда.

Невеста. Слово обрушилось на него тяжелым, неподъёмным грузом. Он напряг память, вглядывался в её лицо, искал хоть малейшую искру узнавания, сладкое тепло нежного чувства. Ничего. Только пустота и смутное беспокойство. Орк нахмурился. Он не помнил никакого предложения. Не помнил даже, чтобы когда-либо вообще обращал внимание на кого-то из племени. Наемникам частенько доставались самые изысканные самки любых рас. Но он всегда держался особняком

Её глаза наполнились такой искренней, почти детской обидой, что у него кольнуло сердце от стыда.

— Брокг — она вздохнула, взяла его руку снова, и на этот раз он не стал вырываться. — Ты сказал, что это будет твоя последняя одиночная вылазка, что пора осесть, завести семью А потом тебя нашли окровавленного. Эти твари, на ко-

торых ты охотился они едва не убили тебя.

— Мой отряд — пробормотал он. — Где они? Что с тем заданием?

— Твои друзья живы-здоровы и ждут, когда ты поправишься, — она погладила его руку. — Они здесь, в посёлке. И очень рады, что ты очнулся. Все так по тебе скучали. Племя без своего вождя погибает. Мы сейчас едва сводим концы с концами.

Чувство долга, глубокое, врождённое, отозвалось в нём. Вождь отвечает за своих. Если они страдали значит, он подвёл близких. Но почему он ушёл? Что было для него важнее?

Там его кто-то ждал. Кто-то нуждался. Кто-то с бездонными изумрудными глазами, полными страха и доверия.

— Мне нужно встать, — сказал он, уже более твёрдо, и попытался сбросить покрывало.

— Нет! — в её голосе впервые прозвучала настоящая, жёсткая нота. Она легонько, но настойчиво прижала его плечи к постели. — Сейчас ты никуда не пойдёшь. Ты едва жив! Всему своё время. Сначала ты должен поправиться. Вспомнить всё. А потом потом у нас будет свадьба. Как ты и хотел.

Она улыбнулась снова, но теперь в её глазах была стальная решимость. Решимость женщины, которая получила долгожданный шанс и не намерена его упускать. Она подошла к столу, налила из горшка в деревянную чашу густого, дымящегося бульона.

— Пей. Набирайся сил. Для меня. Для нас.

Брогк машинально поднёс к губам еду. Этот суп был знакомым, родным — вкусом дома, детства, безопасности. Но где-то в глубине его разбитой памяти звучал другой смех — легкий и звонкий. Пахло не дымом очага, а сосновой хвоей, сыростью пещеры и чем-то сладковатым, неуловимым, как первый весенний ветерок. И было чувство, острое и ясное: он не должен быть здесь. Он хочет находиться там. Где бы это ни было.

Но тело его было слабым, а разум — затуманенным. Перед ним сидела красивая орчиха, его якобы невеста, с глазами, полными любви и мольбы. И вокруг был его посёлок, его люди, его долг.

Он сделал глоток бульона. Это был знак капитуляции. Шаг в новую жизнь, в которой не будет места призраку с лисьим хвостом и огромными, доверчивыми глазами. Призраку, имя которого он уже и не мог вспомнить.

А Кьяра, наблюдая, как он пьёт, тихо вздохнула с облегчением. Первый, самый трудный шаг был сделан. Заговоренная дубинка и её коварный удар выполнили свое предназначение. Но память — штука гибкая. Теперь его нужно было окружить заботой, рассказами верных людей, хорошо отредактированных, разумеется, создать для него новую реальность — ту, в которой не было никакой лисицы-оборотня, только он, она и их общее будущее, которое она вырвала из лап самой смерти и теперь непременно сделает своим.

Брогк поставил пустую чашу, его веки уже смыкались от

слабости. Последней мыслью перед тем, как снова провалиться в забытие, было смутное, но настойчивое ощущение потери. Будто он оставил где-то самое ценное, самое хрупкое, что у него было. И теперь, даже если он когда-нибудь и вспомнит, дорога назад для него уже навсегда закрыта.

Сон Брогга был беспокойным, прорезаемым вспышками кошмаров: погоня, выстрелы, чьё-то лёгкое тело, которое он толкает вперёд, закрывая собой от удара, его отчаянный крик: «Беги!». Затем — ледяной укол между лопаток, падение, тяжёлое дыхание и красные от крови сапоги, приближающиеся к его лицу.

Он проснулся с тихим стоном, весь в холодном поту. И тут же осознал прикосновения. Тёплая, влажная ткань скользила по его груди, животу, смывая пот и, казалось, пытаясь стереть следы кошмаров.

Орк открыл глаза. В слабом свете тлеющих углей в очаге он увидел склонённую над ним Кьяру. Её рыжие волосы падали мягкими прядями, касаясь его кожи. Выражение её лица было сосредоточенным, почти священным, будто она совершала некий ритуал.

— Не надо, — прохрипел он, пытаясь отодвинуться. Смущение, жгучее и неловкое, внезапно охватило орочьего вождя. — Я в порядке. И сам могу

— Нет уж, — её голос звучал тихо, но непрекаемо. Ладонь легла на его плечо, мягко, но с неожиданной силой прижимая его к постели. Она продолжила обтирать его тело,

движения стали ещё более тщательными, почти настойчивыми, сопровождаясь тихим, горьким ворчанием. — Вот в этом весь ты. «Я сам. Я сильный. Я смогу». А ты знаешь, что я пережила за эти недели?

Она остановилась, подняла на него глаза. В янтарных глубинах заблестели слёзы.

— Никто не верил, что ты хоть когда-нибудь очнёшься! Шаман качал головой. Броган уже приказал готовить погребальный обряд. А я я одна не сдавалась. Каждый день сидела рядом, говорила с тобой, уговаривала вернуться. Мы же мечтали — голос её дрогнул, по гладко выбритой щеке покатила тяжёлая, блестящая в огне слеза. Она всхлипнула и снова принялась растирать его мощное тело, будто вбивая в кожу свои слова. — Мы мечтали о детях. О большом доме у реки. О свадьбе с пиром для всего племени А ты Что если бы ты погиб? Ведь орки не бессмертные. Как бы я осталась одна? Эти твои бесконечные походы, сражения, долг, ответственность Когда ты наконец начнёшь думать не только о себе, но и о нас? Обо мне?..

Её взгляд, полный слёз, немого укора и бездонной, измученной любви, пронзил его насквозь. Вся его растерянность, все смутные воспоминания об «ином» мгновенно отступили перед этим живым, настоящим страданием. Он почувствовал себя огромным, неповоротливым детёнышем, который набедокурил и причинил боль тому, кто о нём заботится. Его ждала дома невеста, обещала любовь и семью, а его ум,

одурманенный лихорадкой и раной, блуждал в каких-то туманах, выискивая миражи — омут изумрудных глаз, наверное, и был всего лишь бредом умирающего.

“Она права, — пронеслось в голове. — Пора взрослеть. Перестать гоняться за ветром. Жизнь конечна. Так можно всю её пройти, ища несбыточное, и не заметить, как ушло настоящее.”

Мысли его были прерваны новым, более интимным прикосновением. Кьяра, не прекращая говорить, опустила руку с тканью ниже, уверенно омывая его низ живота, бёдра. И его тело, не обременённое сложными воспоминаниями разума, отреагировало немедленно и предательски. Внушительный орган его мужской силы пробудился под прикосновениями девичьих пальцев, наполняясь кровью и вынуждая забыть о всех сомнениях и препятствиях, кроме одной-единственной, животной и насущной потребности.

Брогк смущённо отвернулся, на его скулах выступил тёмный румянец. Он попытался что-то сказать, извиниться, но слова застряли в горле.

Кьяра увидела его реакцию. В её глазах вспыхнул не просто триумф, а что-то дикое, первобытное, жаждущее подтверждения своих прав. Она не сказала ни слова. Просто резко наклонилась, страстно прильнула к его губам. Поцелуй был глубоким, властным, без спроса, наполненным вкусом её слёз и решимости. Влажное полотенце соскользнуло с кровати и с глухим шлепком упало на пол.

Но её ласки не прекратились. Рука, теперь уже без преграды из ткани, продолжила свои движения — твёрже, увереннее, знающе. Дыхание стало частым и горячим.

Затем, не отрывая губ от него, она приподнялась. В слабом свете он мельком увидел решительную линию её крупного стана, страстный блеск глаз. Другой рукой она резко задрала подол своей длинной простой юбки. И, не тратя времени на прелюдии, с тихим, победным вздохом опустилась на него, приняв его в себя сразу, целиком, влажно и тесно.

Брогк ахнул. Боль от ран смешалась с волной ошеломляющего, грубого наслаждения. Это было не то нежное, робкое соединение, о котором он, казалось, смутно мечтал в своих фантазиях. Это было утверждение. Закрепление прав. Слияние не столько душ, сколько тел и судеб.

Кьяра двигала бёдрами, найдя свой ритм, сильный и неумолимый, как биение сердца самой земной тверди. Она не сводила с него глаз, и в её взгляде была мольба, приказ, отчаянная любовь и животная жажда — всё сразу. Она строила новую реальность для него, кирпичик за кирпичиком, плоть за плотью, и этот акт был краеугольным камнем их совместного будущего.

Брогк закрыл глаза, его руки инстинктивно обхватили её мощные бёдра. Он сдался. Сдался теплу этого тела, настойчивости девичьих ласк, горькой правде её слёз. Призрак с изумрудными глазами растворился в тёмной, горячей плоти настоящего. Он сделал свой выбор. Или выбор уже был сде-

лан за него.

В деревянной избе, пахнувшей дымом, травами и потом, под тихое потрескивание углей, просыпался новый Брок. Тот, который должен был забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.